

20. Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Ванштейна по проблемам полевых исследований (Г. В. Старовойтова, В. И. Козлов, А. Н. Жилина, Г. Н. Грачева) // Советская этнография. 1985. № 4. С. 67–77.
21. *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.

УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В АВТОНОМНЫХ ОКРУГАХ, НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ И ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кузина Н. В. (Москва, Россия)

Исследование проводится в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годы (НИР 0006–2020–0005).

Аннотация: *События 2020–2021 гг. показали, что общая неудовлетворенность уровнем жизни, обострившая в силу пандемического кризиса, а также манипулятивные инфоповоды негосударственных СМИ, в том числе выполняющих функции иностранного агента или организаций, являющихся экстремистскими, сделали реальной угрозой внутривнутриполитической дестабилизации. В исследовании, завершеном автором в декабре 2020 г. были проанализированы статистические данные различных министерств и ведомств, находящиеся в открытом доступе, за первую половину 2020 г., выделены с использованием корреляционного анализа профили регионов с риском роста социальной напряженности. События начала 2021 г. подтвердили тот факт, что угроза социальных взрывов существует прежде всего в регионах, где помимо социальной напряженности, имеется выраженная этнокультурная напряженность, а также тенденции к сепаратизму. Данные регионы становились в начале 2021 форпостом возможного распространения протестных тенденций.*

Ключевые слова: *внутренняя политика, поликультурные регионы, безопасность, пандемия, регионоведение, социальная напряженность, дестабилизация*

THE LEVEL OF SOCIAL TENSION IN AUTONOMOUS DISTRICTS, NATIONAL
REPUBLICS AND BORDER TERRITORIES AS A FACTOR OF
DESTABILIZATION OF THE INTERNAL POLITICAL SITUATION IN THE
POLYETHNIC REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kuzina N. V. (Moscow, Russia)

Abstract: *Events 2020–2021 showed that the general dissatisfaction with the standard of living, exacerbated by the pandemic crisis and manipulative news, feeds of non-state media, including those performing the functions of a foreign agent or extremist organizations, made a real threat of internal political destabilization. The study, completed by the author in December 2020, analyzed the publicly available statistical data of various ministries and departments for the first half of 2020, using correlation analysis to identify the profiles of regions with a risk of increasing social tension. The events of early 2021 confirmed that the threat of social explosions exists primarily in regions where there is a pronounced ethnocultural tension and a tendency towards separatism and social tension. At the beginning of 2021, these regions became an outpost of a possible spread of protest trends.*

Keywords: *internal politics, multicultural regions, security, pandemic, regional studies, social tension, destabilization*

В настоящее время все более актуальными в связи с разворачивающимся экономическим и социальным кризисом [4–9, 14–16] становятся методики прогнозирования социальной напряженности в регионах Российской Федерации с целью своевременных мер, принимаемых региональными и федеральными органами власти с целью обеспечения социальной безопасности [3; 10; 13]. Одной из разновидностей социальной напряженности является этно-социальная напряженность, особенно значительная в исторически полиэтничных регионах Российской Федерации, а также в крупных городах и в субъектах Российской Федерации с высокой активностью потока внешних мигрантов [11; 12]. Феномен социальной напряженности рассматривается как триггер кардинальных, необратимых изменений в государственной социально-политической и экономической системах или скрытая, латентная форма бытования явления, обозначаемого как «социальный конфликт». Предметом изучения является то, как именно объективные предпосылки (цифровые, статистические репрезентации явлений в экономике, демографии, образовании, культуре, медицинском обслуживании, экологии и других сферах региональной жизни региона, обработанные с помощью статистических операций в рейтинги, коэффициенты и др.) могут коррелировать друг с другом и вызывать явление социальной напряженности как особого состояния

общества, населения региона, проявляющегося в поведении (в том числе – в росте преступности, безответственном кредитном поведении, снижении мотивации к труду и т. д.), а также то, как с помощью изучения массивов объективных статистических показателей возможно прогнозирование зон дестабилизации в регионах Российской Федерации. Даже с учетом возможной неполноты, проанализированные с помощью методов математической статистики официальные данные указывают на важнейшие закономерности возможных в будущем процессов, несущих потенциальные угрозы.

Особое внимание, как отмечают зарубежные ученые, необходимо уделять влиянию неблагоприятных условий пандемии на уровень стресса у широких рабочих масс. Комфортность труда и трудовых отношений помогает снизить общее напряжение, ситуационную тревожность, выработать адаптивные стратегии преодоления пандемического стресса [2]. Тенденции к дестабилизации возникают прежде всего в силу ситуации, вызывающей панику и фобии, и неопределенности будущего, как при отсутствии, так и в случае противоречивости поступающей информации. В подобных условиях социум склонен, как правило, ментально конструировать и поддерживать затем в актуальном состоянии наиболее катастрофичные варианты сценариев будущего, забывая трансформированную в соответствии с новыми реалиями формулу Екклесиаста (1, 2; 12, 8): «Помните, что это не первая и не последняя пандемия. Все проходит, и это пройдет» [1].

Были проанализированы 70 показателей экономической, финансовой, демографической, социальной ситуации в регионах Российской Федерации за первое полугодие 2020 г., а также сведения о динамике внешней миграции, преступности, образовании, медицине, прожиточном минимуме, тратах домашнего хозяйства и др. по регионам Российской Федерации с целью выявления наиболее уязвимых регионов в части возможного роста социальной напряженности. Использовались официальные статистические сведения, предоставляемые по регионам ГУ МВД, Генеральной Прокуратурой России, Росстатом России, Минобрнауки России, Минздрава России и др. [10, с. 166–206].

Проблема социальной напряженности, предвещающей этап «открытого социального взрыва», может быть изучена с помощью ряда приемов и подходов, распределенных по двум направлениям: 1) через изучение умонастроений и комплексов идей (заведомо не точный и не верифицируемый путь), 2) через изучение комплекса взаимосвязанных разнородных показателей официальной статистики

и ряда отчетов федеральных органов исполнительной власти, судебной практики, отчетов региональных администраций, отражающих результаты экономической активности и жизни регионов. В разное время отечественные исследователи, опирающиеся на материал постсоветской России, делают выводы об отсутствии «научно обоснованной политики региональных социально-экономических преобразований». Отмечается, что до сих пор принципиально не определены и не сформулированы основополагающие подходы в прогнозировании и предупреждении социальных конфликтов, как на региональном, так и на федеральном уровнях управления. И, как следствие этого, допускаются ошибки в управленческой деятельности в различных регионах страны, что приводит к появлению острых проблем в политической, экономической и социальной сферах.

При анализе социальной напряженности мы рассматривали данное явление как модель, включающую а) объект – личности (группы личностей, коллективы, общности, население региона) и их ценностно-мотивационную модель, иначе – мировоззренческие установки, менталитет, а также особенности психоэмоционального реагирования на раздражители внешней среды и на изменения внешних условий жизни, б) условия – предпосылки возникновения социальной напряженности (условия жизни – экономические, политические, демографические, сферы образования, медицинского обслуживания, культуры, дорожного строительства и т.п. показатели), в) актор (манипулятор) – третья сила (сообщества, организации, конкретные идеологи, имеющие целью дополнительное информирование личности/населения в связи с формирующимися настроениями по сравнению с тем, что становится очевидным лицу в процессе частной повседневной жизни и бытовых занятий (СМИ, институты гражданского общества, НКО, общественные группы, партии, лидеры) [13].

Данные, как меняющиеся в хронологической перспективе (население региона, количество умерших и родившихся, рабочей силы, вакантных рабочих мест, мигрантов и др.), так и достаточно постоянные (территория, количество учреждений высшего образования, количество больничных учреждений, оборот пищевых продуктов, потребление на члена семьи, количество домохозяйств) были обработаны с помощью непараметрических методик математической статистики (в данном случае – корреляционный анализ, коэффициент корреляции Спирмена, пакет STATISTICA 13).

Гипотеза исследования: рост социальной напряженности потенциально предполагаем в регионах, где суммарные показатели

экономической активности, демографии и социальной жизни будут резко отклоняться от средних значений, то есть 1) в регионах «донорах» и условно независимых от центра, а также 2) в регионах «дотационных», имеющих наиболее низкие показатели. Мы предполагали, что более всего социальная напряженность может зависеть от показателей закредитованности населения (кредитной нагрузки), а также процента расходов на питание в общих доходах домохозяйства. Чтобы прогнозирование и профилактика социальной напряженности были эффективными, необходим методологически и методически выверенный алгоритм расчетов комплексных показателей, указывающих на рейтинг региона – как в части экономики, так и в сфере эффективности социальной политики.

В процессе исследования были предварительно выявлены два основных профиля и семь подпрофилей регионов с риском роста социальной напряженности. Из них первый профиль представляют четыре подпрофиля (1а, 1б, 1в, 1г), характеризующие регионы с высоким уровнем потребления и более высоким уровнем жизни, существенными потоками внешних трудовых мигрантов, адекватными отчислениями в региональный и федеральный бюджеты, развитыми мерами социальной поддержки населения, однако и с высокой закредитованностью населения [10, с. 166–206]. Три подпрофиля (2а, 2б, 2в) представляют второй профиль и описывают беднейшие регионы, характеризующиеся низким уровнем жизни населения, низкой оплатой труда, высокой безработицей, высокими расходами на питание, высокой преступностью, большим числом учащейся молодежи, высокой демографической нагрузкой [10, с. 166–206]. Первый тип профиля регионов имеет тенденцию к росту не только социальной, но и этно-социальной напряженности, проявляющейся в том числе и в повышении количества преступлений против иностранных граждан. Второй тип профиля региона имеет тенденцию к росту числа экстремистских преступлений. Остановимся на нескольких критических для социальной стабильности показателях.

Акты терроризма. Количество террористических преступлений растет в тех регионах Российской Федерации, где наблюдается также и рост преступлений против иностранных граждан и лиц без гражданства, то есть в субъектах Российской Федерации, где констатируется выраженная этнокультурная напряженность или имеются высокие значения притока внешних трудовых мигрантов. Наибольшее число террористических преступлений регистрируется также в тех регионах, где: более всего безработных трудоспособного возраста в целом и за первое полугодие 2020 г., где за данный период

оказалась наиболее низкой средняя начисленная заработная плата, имеется максимальное число студентов и организаций высшего образования, а также наиболее высок оборот пищевых продуктов (по росту их оборота можно выявить, очевидно, в том числе и число нелегалов, не стоящих на миграционном учете). Количество террористических преступлений растет в регионах Российской Федерации при снижении прожиточного минимума, снижении стоимости набора минимального товаров и услуг, при высокой обеспеченности домохозяйств доступом в сеть Интернет.

Протестная активность. Количество экстремистских преступлений выше в регионах, где также имеется большое количество безработных, учащейся студенческой молодежи, неработающих пенсионеров (таким образом, высока демографическая нагрузка на работающее население), в регионах с большим процентом расходов домохозяйств на питание, с меньшей общей задолженностью домохозяйств, низкой средней заработной платой и высоким оборотом пищевых продуктов. Чем выше доход домохозяйств и одновременно стоимость минимальной корзины продуктов и услуг, а также прожиточный минимум в регионе, тем меньше преступлений экстремистского характера, как правило, совершается.

Уровень расходов на питание и закредитованность населения. Задолженность домохозяйств в регионе не всегда является отражением уровня бедности: она неожиданно повышается в регионах при росте общего дохода домохозяйства и при росте процента затрат домохозяйства на транспорт и отдых: чем состоятельнее регион и чем ближе его население в уровне доходов к условному «среднему классу». Аналогичная тенденция к закредитованности существует в регионах, имеющих высокий валовый доход. Можно предположить, что, в 2020 г. особенно, население пытается поддержать высокий уровень жизни с помощью кредитов, несмотря на экономический кризис. Высокая закредитованность домохозяйств в настоящее время свойственна регионам с высоким уровнем доходов населения и привычкой к «раскредитованному» потреблению. И, наоборот: чем больше домохозяйство тратит на питание (чем выше уровень бедности региона), тем ниже его закредитованность.

Безработица. С уменьшением оплаты труда и со снижением стоимости минимальной потребительской корзины, расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг, а также с повышением доступности социальных благ и гарантированного бесплатного медицинского обслуживания в регионах, как правило, отмечается повышение числа безработных. Работоспособное население может

отказываться от труда (или уходить в «серую» зону), если большой его процент получает высшее образование или только что завершил процесс обучения, если работодатель в силах обеспечить официальную заработную плату не выше 20–30 тыс. рублей. Можно, очевидно, констатировать факт наличия «протестной безработицы» в регионах с хорошо развитой социальной сферой и низкой оплатой труда.

Исследование было завершено в декабре 2020 года. События начала 2021 года смогли продемонстрировать перспективную силу данной методики. В реалиях конца 2020 – первой половины 2021 гг. также важнейшую роль сыграли инфоповоды, формируемые в регионах «акторами» с целью усиления социальной напряженности. Прежде всего указанные выше факторы и выявленные закономерности сыграли роль в разворачивающихся событиях в регионах Сибири, Дальнего Востока и в поликультурных субъектах Российской Федерации, имеющих выраженные тенденции к обособлению. Средняя полоса России, а также Черноземье, не проявили высокого уровня протестной активности, за исключением двух городов – Москвы и Санкт-Петербурга.

Данный феномен перерастания социальной напряженности в купированный социальный взрыв был подготовлен существующей в регионах Зауралья, Сибири, Дальнего Востока и национальных республиках и автономных областях актуальной повесткой, проявившейся вследствие влияния экономических, социальных, демографических факторов.

Литература

1. *Chaudhury S., Pooja V., Thakur M., Saldanha D.* COVID 19 Pandemic Anxiety and its Management. Acta Scientific Neurology. Vol. 3 Issue 8, August 2020.
2. *Pereira M. M., Rodrigues A., De Carvalho Chinelato R. S., Ferreira M. C.* Anxiety and coping strategies during the Covid-19 pandemic: The mediating role of positive attitudes at work. Estudos de Psicologia (Natal). 2020. 25 (2). P. 167–176.
3. *Арушев А. М.* Влияние пандемии на экстремизм: Правовой обзор и возникновение новой детерминанты// Евразийский юридический журнал. 2021. № 2(153). С. 399–400.
4. *Заляев А. Р., Шаммазова Е. Ю.* COVID-19 VS трансформация системы здравоохранения// Социальные процессы современной России: Международная научно-практическая конференция. В 2 т., Нижний Новгород, 19–20 ноября 2020 года. Нижний Новгород: ООО «НИСЦН», 2020. С. 277–281.

5. *Зубаревич Н. В.* Пандемия и регионы: Итоги января-августа 2020 г. // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 11. С. 91–95.
6. *Зубаревич Н. В.* Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов// Вопросы теоретической экономики. 2021. Т. 10. № 1. С. 48–60.
7. *Зубаревич Н. В.* Региональные риски нового кризиса для занятости и бюджетов регионов// Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 7 (109). С. 3–13. URL: <https://publications.hse.ru/articles/407362133> (дата обращения: 10.06.2021).
8. *Зубаревич Н. В., Макаренцева А. О., Мкртчян Н. В.* Демографическая ситуация и социально-экономическое развитие регионов России в первой половине 2020 г.// Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 10. С. 73–88.
9. *Зубаревич Н. В., Хасанова Р. Р.* Рождаемость, смертность населения и положение регионов в начале второй волны пандемии// Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1. С. 77–87.
10. *Кузина Н. В.* Выявление типовых профилей регионов с тенденцией к росту социальной напряженности на основе анализа данных статистики субъектов федерации (первое полугодие 2020 г.)// Наука Красноярья. Том 9. № 4. 2020. С. 166–206.
11. *Кузина Н. В.* Потоки внешней миграции в эпоху пандемии (I полугодие 2020 г.) в субъектах Российской Федерации как показатель социального благополучия, ресурс демографии и экономического развития региона: правовое и неправовое поле// Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 4. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2021. 739 с. С. 640–653. URL: <http://ukros.ru/archives/25625> URL: <http://rkpr.inion.ru/>
12. *Кузина Н. В.* Преступность и внешняя миграция в регионах Российской Федерации как индикатор для изучения социальной и этно-культурной напряженности, а также риска распространения террористической и экстремистской идеологии: Уязвимые субъекты Федерации (I-е полугодие 2020 г.). Бюллетень науки и практики, 2020. Т. 6. № 10. С. 278–298.

13. *Кузина Н. В.* Прогнозирование зон социальной напряженности на основе анализа данных региональной статистики// Международный правовой курьер. 02.08.2020.
14. *Меджидов З. У.* Влияние новой коронавирусной инфекции на безработицу в Северо-Кавказском федеральном округе// Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3(449). С. 126–134.
15. *Разумовский Д. Ю.* Профили финансового и потребительского поведения населения под влиянием пандемии COVID-19 как триггера дестабилизации макроэкономической конъюнктуры // Финансы и кредит 2021. Т. 27. № 2(806). С. 417–429.
16. *Семина Т. В., Тыртышный А. А.* Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID-19: Социальные и правовые аспекты// Образование и право. 2020. № 7. С. 11–20.